

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Волочкова, Анастасия.

В68 Плата за успех: откровенная автобиография / Анастасия Волочкова. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с. – (Современная биография).

ISBN 978-5-17-114079-3.

В своей новой книге я предельно откровенно расскажу о своей судьбе и творчестве. Вы узнаете шокирующие факты из моей жизни, полной приключений, романов и скандалов. Поделюсь своими мыслями и чувствами, которые открывают меня настоящую – полную противоположность образу, созданному СМИ и недоброжелателями. Ведь в последние годы желтая пресса, не переставая, поливает меня грязью, захлебываясь во лжи и подтасовках. Я же хочу, чтобы у людей складывалось мнение обо мне из личного общения или благодаря моему творчеству. Вы узнаете меня такой, какая я есть, а не такой, которой меня представляют в газетах и на экранах телевизора.

Иногда мне кажется, что вся моя история – это история искусства открывать запертые двери. Тремя ключами: работой, творчеством и «золотым ключиком» – верой в то, что если чего-то по-настоящему очень хочешь, то обязательно достигнешь. Но вы будете потрясены той ценой, которую мне пришлось заплатить за свой талант, творчество и успех, которого не прощают. И за желание быть просто счастливой и любимой женщиной.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114079-3.

© Волочкова А.
© ООО «Издательство АСТ»

«Анастасия Волочкова — неординарный человек, возбуждающий воображение и вносящий в жизнь разногосье. Она хороша и талантлива. Неповторима в танце. Я всегда ее поддерживал и до сих пор поддерживаю, и восхищаюсь ее талантом. Ее незаконно уволили из Большого театра, прервав карьеру на самом взлете. Подло, нелепо, грязно. Ей тогда было очень трудно, и я ей помог чем мог. Тогда она собиралась уехать из нашей страны и работать в Англии. Впрочем, и сейчас ее часто приглашают на главные роли за границу.

И я вернул ее в Россию!

Балет — это вообще сложное искусство, поэтому только профессионалы могут давать оценку тому или иному действию артистов, ориентируя любителей и почитателей в хитросплетениях жизни танцовщиков. Это то искусство, где «белое» можно назвать «черным» и наоборот. Поэтому и лебедя два — черный и белый. Настенька танцевала у меня в Большом и в Краснодарском театре. Большая труженица. Потрясающе теплый и добрый человек. Она выше всех самых коварных интриг, со своим стержнем и харизмой. Я очень люблю Анастасию Волочкову».

Юрий Николаевич Григорович, главный балетмейстер
Большого театра в 1964–1995 годах, один из самых
выдающихся хореографов XX века

Предисловие

Когда говорят: «Да вы же звезда...» — мне становится немного не по себе. Мы ходим по одной земле. И дышим одним воздухом. Красота величия в малом, она в том, чтобы оставаться человеком, быть честным перед самим собой. Потому что самый главный судья жизни — это наша совесть. Бог мне дал талант и трудолюбие, не спрашивая за это денег, и я в благодарность Ему стала светить для людей, расплачиваясь трудом, своим потом, слезами, умением проходить испытания жизни, преодолевать противодействия и трудности и отстаивать правду смело с честью и достоинством. Ни разу в жизни даже не отказала никому ни в автографе, ни в возможности сфотографироваться со мной. За исключением тех случаев, когда люди пытаются снять что-то скандальное исподтишка, но это отдельная тема.

Я знаю, что многие зрители приходят на концерты с разным отношением ко мне и стереотипами, сложенными СМИ. Добрые дела журналистам не интересны. Зато все скандалы, созданные вокруг меня недоброжелателями, всегда вызывают настоящий ажиотаж. Но я также знаю, что, видя меня на сцене, видя, сколько сил, сколько труда я в это вкладываю, слыша,

Анастасия Волочкова

Предисловие

что и как говорю со сцены, ощущая мою искренность, они меняют свое отношение. Как, впрочем, и все, кто знакомится со мной лично.

Да и вообще, с одной стороны, я, конечно, благодарна своим зрителям, что они небезразличны ко мне, к моей судьбе, но с другой стороны — иногда хочется сказать им: «Не читайте, что обо мне пишут, не смотрите скандальные передачи по телевизору. Поверьте, мне вовсе не нужна такая известность, наоборот, мне от всего того, что обо мне придумывают, очень неприятно, а иногда даже больно». Я хочу быть известной не громкостью имени, а делами и поступками, которые я совершаю.

Большим достижением считаю тот факт, что мой проект «Симфония добра», несмотря на все сложности, несмотря на то, что мстительные мужчины, обладающие большими деньгами и большой властью, неоднократно пытались убрать меня со сцены, набирает силу. Вопреки всем обстоятельствам я не опустила руки и только трудолюбием и Божьей волей превратила свой благотворительный проект в один из крупнейших в стране! Не все в этой жизни познаётся и покупается за деньги. Благотворительность моих концертов — не в сборе и передаче средств, а в том, что все зрители приглашаются на проекты Волочковой совершенно бесплатно. А для участия в концертах, как правило, местные творческие коллективы, детские и молодежные, в каждом регионе. Люблю приезжать в самые маленькие города и поселения. К людям, для которых уже сам мой приезд становится светлым и теплым событием. Я счастливый человек, потому что своим делом занимаюсь с удовольствием, исполняю его профессионально, есть любовь и признание зрителей, а это нелегко заслужить. И главное — есть любовь детей ко мне. Горжусь и дорожу тем, что дети

Анастасия Волочкова

Предисловие

в России знают меня лично, они радуются встрече со мной. Это причина, по которой я никогда не оставляю Россию, потому что такие проекты создавала и в Лондоне, в Чили, и в разных других городах и странах мира. Но разница в том, что за границей искусство людям просто нравится, а в России его по-настоящему любят. И для детей России могу сделать больше, чем для детей за рубежом. Это и есть счастье. Оно в любви. Я занимаюсь любимым делом, меня любят дети, есть любимая дочь, любима мужчинами. Бог дал все, что нужно для счастья, и я не перестаю благодарить Его за это.

Сулейман.
«Он умел любить и делать
из жизни праздник...»

Сулейман... Не знаю, судьба нас свела или это была просто игра случая... Я ведь даже не собиралась на тот банкет.

Как летит время... Это был 2000 год, я как раз вернулась из Лондона — в жизни получился такой насыщенный период, когда сначала танцевала в Большом театре по приглашению Владимира Васильева, потом уехала в Англию, а потом Юрий Григорович вернул в Большой. Он восстанавливал балет «Лебединое озеро» и потребовал, чтобы главную партию танцевала именно я.

Все это с Сулейманом напрямую никак не связано, но именно эта цепь событий привела к тому, что наши дороги пересеклись. Как раз тогда одна крупная нефтяная компания решила отметить корпоратив в Большом, и директор театра, Иксанов, предложил станцевать на этом концерте Па-де-де из балета «Дон Кихот». Я согласилась — почему бы и нет?

Мы с Женей Иванченко, моим партнером из Мариинского театра, сотрудничавшим с Большим, станцевали свой номер и собирались уже уходить, когда нас стали уговаривать

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

остаться на банкет. Я туда не собиралась и даже одета была совсем неподходяще, Женя вообще идти не хотел, но подумала и уговорила его остаться хоть ненадолго. Просто чтобы уважить людей, которые нас пригласили. Ну и сама пошла в чем была — в простых черных брючках и каком-то темно-зеленом боди под цвет глаз.

Вот на этом банкете и состоялась встреча с Сулейманом.

Почувствовала ли я к нему сразу же что-то особенное? Не знаю. Не помню. Потом казалось, что да, но может это был самообман. Помню только, что у него были удивительные огромные глаза. Мы о чем-то разговаривали, но я даже не запомнила, о чем, запомнила лишь эти глаза и тот волнующий взгляд, который не могу забыть и сейчас.

Конечно, он сразу начал ухаживать, к чему я отнеслась благосклонно и даже съездила с ним поужинать в японский ресторан, но все же не отнеслась к этому серьезно. Я была известной балериной, привыкшей к вниманию, и новых поклонников воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Тем более что на том же банкете за мной стал ухаживать еще один очень интересный мужчина — Ахмед (потом узнала, что они с Сулейманом друзья, но в общем-то это не имеет особого значения). Он мне тоже понравился — все-таки есть у меня слабость к восточным мужчинам, и когда на следующий день он позвонил и предложил встретиться, согласилась. Нет, тогда еще нисколько не ощущала себя связанной с Сулейманом и была свободна как птица, душой и телом.

Ахмед умел ухаживать за женщинами — он сразу подарил огромную корзину алых роз. Было приятно, но все же это сердца моего не затронуло, ведь с самого детства люблю только белые. А он не знал, хотя при его богатстве мог бы и узнать, ведь внимание дороже самого подарка. Впрочем, тогда я об

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

этом не думала, эта мысль разве что по краешку моего сознания мелькнула, потому что голова была занята совсем другим. Надо было слетать в Баку на «Лебединое озеро», и очень хотела уложиться в одни сутки — прилететь, станцевать и на следующий день улететь обратно. А рейсы все были какие-то неподходящие, поэтому у меня и билета еще не было, хотя билет был уже вот прямо завтра.

Все это я выложила Ахмеду, чтобы тот не удивлялся моей рассеянности, а он неожиданно заявил: «Зачем тебе билет? Полетишь на моем самолете!»

Признаться, я практически потеряла дар речи. Конечно, он был не первым из моих знакомых, у кого имелся собственный самолет, но мы и знакомы-то были всего один день, и вдруг такое предложение. Но надо было лететь... да и люблю я красивые широкие жесты. Если мужчина хочет такой жест сделать — не нужно ему мешать. Поэтому на следующий день уже летела в Баку на личном самолете Ахмеда, и что было особенно приятно — стюардесса подала на обед шпинат. Я в разговоре упомянула, что люблю шпинат, а он запомнил, это было так мило.

Но в Баку в антракте позвонил Сулейман. И все как-то сразу изменилось. Даже не поняла, как это произошло. Прилетела на самолете Ахмеда, да и сам он мне нравился, и вдруг — этот звонок. С какой-то временной сим-карты — они у него менялись раз в пять дней из соображений безопасности. Позвонил и сказал: «Мы с тобой сегодня вечером летим в Арабские Эмираты. Уже выслал за тобой самолет».

Кажется, я второй раз за два дня едва не потеряла дар речи. Такого со мной никогда еще не было. Какие Эмираты? Мы едва знакомы, как я могу вот так просто запрыгнуть к нему в самолет и куда-то полететь? Не говоря уж о том, что Ахмед

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

оказал такую услугу — прилетела на его самолете, как можно так с ним поступить? Короче говоря, когда справилась с первой растерянностью, примерно так Сулейману и сказала: какие еще Эмираты, я прилетела на самолете Ахмеда, да и вообще не собрана, даже вещей нет.

Но он спокойно ответил, что его самолет скоро приземлится в Баку и чтобы я не беспокоилась насчет Ахмеда, с ним он сам поговорит. А вещи мы купим.

Ужасно неловкая была ситуация. Но хотя все разумные доводы были против, я вдруг согласилась. Потому что прислушалась к своему сердцу и с изумлением поняла, что оно уже все решило за меня. Удобно, неудобно, какая разница?! Я должна была сделать этот шаг в сторону Сулеймана, и наплевать на любые разумные доводы, какой от них толк! Сердце лучше знает! Кажется, в глубине души именно этого и ждала — с самого того ужина после корпоратива. И готова была лететь куда угодно, хоть на край света, именно с Сулейманом.

Но вспоминать этот день до сих пор неловко. Две машины ждали меня у театра, два самолета на взлетной полосе! Я обещала улететь с Ахмедом, понимала, как некрасиво с моей стороны его обманывать, но все равно села в самолет Сулеймана. И до сих пор, несмотря ни на что, несмотря на все горе, которое потом пришлось пережить, я об этом не пожалела. Это было началом большой любви, слишком большой, чтобы о ней жалеть! Такая любовь озаряет душу. Даже когда разрывает сердце.

А Ахмеду позвонила. Сразу же, прямо из самолета — сказала честно, все как есть, что меня позвал Сулейман и я улетаю с ним. К тому моменту уже знала, что все решено, и не хотела, чтобы хоть на минуту считала Ахмеда запасным вариантом. У меня никогда не бывало запасных вариантов, если я лю-

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

блю — значит, люблю. И верю, что нет ничего лучше правды, какой бы горькой она ни была. Тайное всегда станет явным, так зачем лгать и притворяться? Поэтому поборола стыд и смущение, честно сказала Ахмеду обо всем и сразу ощутила, как на душе полегчало. Теперь можно было лететь вперед не оглядываясь.

Помню, как поднялась в самолет — салон был весь заставлен цветами, ждал ужин... Правда, была какая-то странная заминка, мы не сразу улетели, да и стюардесса куда-то пропала. Но потом она появилась и принесла шпинат. Шпинат! А я ведь ничего Сулейману о нем не говорила! На нашем единственном совместном ужине была уставшей и думала в основном о том, как ужасно выгляжу в сценическом гриме, с наклеенными ресницами. По-моему, вообще не успела ему ничего о себе рассказать. А он сам выяснил, что люблю. И это так согрело душу...

Кстати, потом выяснилась забавная деталь. Уже когда мы летели в Эмираты, вспомнила об этой заминке и спросила Сулеймана, почему самолет задержался. Думала, это потому, что ему пришлось объясняться с Ахмедом. Но он ответил, что нет, дело было всего лишь в том, что у него на борту не было шпината. И он велел стюардессе сходить за ним в самолет Ахмеда и, если понадобится, просто стащить его!

Даже не могу найти слов, чтобы описать, как была тронута. Такое внимание, такая забота, и этот маленький, но невероятно ценный для меня подвиг — добыть шпинат из чужого самолета. Вспоминаю об этом, улыбаюсь, а глаза наполняются слезами. Как же чудесно все начиналось!

Самолет тогда едва успел приземлиться в Москве, как на борт буквально вбежал Сулейман и воодушевленно командовал подниматься в воздух и лететь в Эмираты. Балетные

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

вещи еще как-то успели выгрузить, и все на этом, я отправилась навстречу приключениям вообще без ничего, можно сказать, даже без зубной щетки. Но Сулейман твердо сказал — ерунда, все, что нужно, купим на месте!

Он всегда был таким, потом я это поняла — спонтанным, ярким, неожиданным. С нашего фантастического полета начался новый период в моей жизни — феерия эмоций, чувств, развлечений. Сулейман умел делать из жизни праздник. И любить он умел. Не человек, а бушующее пламя — согреет, ослепит искрами, но зазеваешься — может и спалить. Но только и я не такая уж слабая — из того пламени, что он на меня обрушил, я вышла как Феникс, отряхнув пепел сгоревшей любви и доверия, но не изменив себе ни на секунду.

* * *

Как мы с Сулейманом отдыхали! По полной программе! В Эмиратах мы поселились в отеле «Бурдж-эль-Араб», который все называют «Парусом», на двадцать пятом этаже, в самом роскошном королевском номере. И понеслись развлечения! С ним все было шикарно — машины, отели, самолеты, яхты. Он устраивал фейерверки над морем, приглашал всевозможных звезд — С.С.Catch, Лабину, Кайли Миноуг, даже Шакиру — вот она меня действительно поразила тем, какое она всегда делала прекрасное шоу из своего выступления. Все-таки, где бы я ни отдыхала и как бы ни развлекалась, всегда помнила о работе, о балете, брала с собой форму, занималась, ну и приглядывалась ко всему интересному, что видела, ведь уже тогда хотела тоже делать шоу.

У Сулеймана было, как говорится, все. И деньги, и возможности, и связи. В общем, все, что должно быть у олигарха. Но

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

меня в нем привлекало не это — что я, богатых людей не видела? Хотя, признаться честно, настолько богатых даже среди моих знакомых было мало.

Но большинство олигархов — скучные люди, которых интересуют только деньги и как сделать еще больше денег. А Сулейман совсем не такой. Он настоящий мужчина — сильный, решительный, безумно темпераментный. Такое... ярко выраженное мужское начало — он мог быть очень деспотичным, но в то же время и очень заботливым. К примеру, он знал, что я очень люблю баню, поэтому у нас на яхтах всегда обязательно была сауна.

Ему вообще нравилось обо мне заботиться. Он даже пытался научить меня водить машину — и не какую-нибудь, а «Феррари». Правда, ничего толкового из этого не вышло, я не слишком хотела учиться, мне просто было приятно, что он так со мною возится. Я только немножко самостоятельно прокатилась и мало что запомнила. Когда через несколько лет участвовала в съемках фильма «Место под солнцем» и нужно было проехаться на BMW (потому что они были спонсорами этого проекта), все перепутала, поехала не вперед, а назад и врезалась в собственный «Мерседес». С тех пор за руль больше не сажусь — все-таки каждый должен заниматься своим делом, пусть меня возит шофер, так безопаснее для всех.

А та «Феррари» для Сулеймана стала роковой... именно в ней он попал после нашего расставания в страшную аварию. И ведь я почувствовала тень чего-то мистического, какое-то зло, еще тогда, когда мы отдыхали в Дубае и жизнь казалась совершенно безоблачной и счастливой. Помню, как это ощущение пришло в первый раз. Мы тогда поехали с несколькими русскими приятелями в ночной клуб, где у нас был заказан стол, и поначалу все шло прекрасно. Всегда очень любила

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

дискотеки, даже после тяжелого выступления могла поехать в клуб и там отжигать, сбрасывая излишки энергии. А уж на отдыхе — тем более!

И вот я танцевала, забыв обо всем и не обращая ни на кого внимания. Но стало жарко, и я бросила свою белую накидку на какой-то диван. А там рядом отдыхала какая-то компания местных арабов — они так и пожирали меня глазами. И один из них сказал, что это, дескать, их стол и их диван, схватил мою накидку, Сулейман вмешался... В общем, я не видела и не слышала толком, что там произошло, но, похоже, у него вскипело его восточное самолюбие, и завязалась драка.

Не знаю, может быть, кто-то из них что-то оскорбительное сказал, а может, ему просто не понравилось, как они на меня смотрели. Он ведь ревновал ко всем — и к моей профессии, и к моему творчеству, и даже к моей тени, уж не говорю о мужчинах. Потом это и стало одной из главных причин нашего расставания. Но тогда, когда наш роман был в самом начале, еще не понимала, насколько это серьезно, скорее, наоборот было приятно, что вызываю у него такую бурю страстей. Нет, конечно, я переживала, когда началась драка, и очень испугалась за Сулеймана, но вот ту футболку, которую на нем порвали эти арабы, потом хранила еще долгие годы. Как память о том вечере и о моем храбром рыцаре...

А потом мы запрыгнули в «Феррари» и умчались оттуда, потому что драка с местными — это было на самом деле очень-очень серьезно и опасно, за это вполне можно было угодить в тюрьму, и никакие деньги не помогли бы. Там очень суровые законы.

Русские приятели, которые были с нами в клубе, к тому времени уже удрали — они трусливо бросили Сулеймана и не попытались даже вмешаться, настолько сами боялись попасть

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

под раздачу. А мы приехали в отель, и я стала просить его немедленно улететь, так было за него страшно.

Уже позже познакомилась с человеком, умевшим видеть, кто кем был в прошлой жизни, и тот сказал мне, что когда-то я погибла на войне, защищая мужчину, который был мне дорог. Эта сторона моей натуры проявляется и сейчас, как только любимому человеку начинает грозить опасность. Сулейман говорил, чтобы я не нервничала, отдыхала, он сам со всем разберется, но я не могла расслабиться — включился тот самый режим «война», и готова была, не думая ни о чем, броситься на амбразуру, чтобы защитить его.

В конце концов он все же уговорил пойти поплавать, да и то лишь потому, что поняла — он сейчас будет обсуждать произошедшее и решать, что делать, а я буду ему мешаться. Но успокоиться так и не удалось, помню — купаюсь в море, вижу людей на берегу и кажется, что это полиция, они пришли за Сулейманом, сейчас его заберут! Выскочила из воды... но это оказались всего лишь дворники, чистившие набережную. Да, нервы были на пределе. Слава Богу, мы все-таки вскоре улетели!

* * *

Позже, когда мы расстались с Сулейманом, было много разговоров о квартирах, которые он мне подарил, и вообще о том, как много он на меня потратил.

Да, много. Но ничего из этого я у него не просила, все подарки он дарил и все деньги тратил только потому, что ему так хотелось. Иногда для того, чтобы сделать мне приятное и получить удовольствие от моей искренней радости, а иногда вообще ради своего собственного удобства. Многие не

Анастасия Вознеchkова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

понимают, что для таких богатых людей, как он, деньги — это ерунда, удобство гораздо важнее.

Например, с квартирой в Москве вышло так... Когда мы встретились, я жила в гостинице на Петровке, в номере, который снимал Большой театр. Вообще-то было неважно, что это за отель, какой номер, меня, как обычно, интересовало только одно — чтобы было близко к театру. Когда в 1998 году меня пригласил Владимир Васильев, я просто сняла на Полянке какую-то совершенно убитую квартиру — уж на какую хватило денег, потому что Большой театр платил 100 долларов в месяц, а квартира стоила 300. Но в тот момент важны были не деньги, а возможность работать с Васильевым, с Максимовой, танцевать в Большом театре.

В 2000 году ситуация уже изменилась, теперь уже я была нужна театру больше, чем он мне, поэтому гостиницу оплачивали. И меня это вполне устраивало. Но не устраивало Сулеймана — он почти сразу же сказал, что хочет подарить квартиру, где мы с ним и будем жить. Ответила, что не надо. На что Сулейман сказал: «А мне надо. Потому что меня бесит, что я тебе звоню, ты в этом лифте едешь, спускаешься, красишь свои ресницы, а машины стоят и ждут тебя с мигалками. Не комфортно, хочу жить с тобой в квартире».

В конце концов он так и купил мне квартиру на Петровке, а пока там шел ремонт, мы жили то в съемной, возле зоопарка, то в загородном доме, тоже съемном. Этот домик до сих пор вспоминаю с умилением, с ним связано столько приятных эмоций. Он был небольшой, совсем не пафосный, не дача олигарха, а просто уютный дом только для нас двоих. Сулейман обычно задерживался в офисе допоздна, приезжал уже в 3–4 часа утра, но я всегда его ждала, несмотря на то, что каждое утро были занятия в театре. Стояла на балконе с белым ко-

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

тиком, которого он подарил, и просто ждала, когда в темноте мелькнет свет фар его машины.

Удивительная вещь — эмоции, ассоциации... Почему-то, когда видела свет фар, всегда вспоминала глаза Сулеймана и то впечатление, которое они произвели на меня при нашей первой встрече...

Все-таки это была самая сильная и яркая любовь в моей жизни. И сам Сулейман — невероятно яркий человек не только внешне, но и внутренне. Он умел устраивать сюрпризы, любил делать подарки, превращал жизнь в настоящий праздник! Например, я всегда любила цветы, поэтому пока была с ним, то в цветах буквально купалась. А в новой квартире по его заказу поставили кашпо на ножках, и каждую неделю там сменялись две композиции. Вообще Сулейман щедро одаривал меня дорогими подарками. Украшениями с бриллиантами, шубами (хотя я не фанат их) и многим другим.

Между прочим, ради меня он приобрел себе телефон. Это забавно звучит, но на самом деле это очень серьезно, я ведь уже говорила, что у него не было телефона — из соображений безопасности. Но для того, чтобы быть со мной постоянно на связи, он приобрел два телефона, один из которых подарил мне, а второй оставил себе. У них не было номеров, позвонить мы с них могли только друг другу, больше никому. Это было очень трогательно...

Конечно, можно сказать, что при богатстве Сулеймана это было сущей ерундой. Но это не так! Куда важнее, что он был внимательным, дарил именно то, что могло меня порадовать, устраивал такие сюрпризы, от которых мое сердце таяло. Он знал, чувствовал, что доставит мне удовольствие. Мы с ним любили друг друга и были, что называется, на одной волне.

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

Однажды, например, я вернулась в Москву после питерского концерта, помощница Сулеймана помогла добраться домой, а я так устала и так соскучилась по нему, что в квартире стала плакать и жаловаться ей, как мне одиноко и как хочу увидеть Сулеймана. И вдруг — открывается дверь балкона, и оттуда в комнату входит Сулейман с огромным букетом цветов! Оказывается, он решил сделать сюрприз и ждал меня на балконе. Но ведь не сразу вышел, а сначала послушал, как жалуясь его помощнице, что соскучилась!

Как же я его все-таки любила... не больше жизни, но как жизнь, это точно. До сих пор горько думать, что такая любовь обернулась полным крахом.

Хотя первые звоночки ведь прозвучали довольно быстро, просто я была так влюблена, что ничего не желала видеть. Сулейман ревновал меня ко всему и всем, но прежде всего — к моему творчеству. Так сильно, что уговаривал совсем бросить балет, театр, карьеру, сесть на диван и сделаться домохозяйкой.

Это и смешно и грустно, ведь я же хорошо видела, что он любит не только как меня саму, не просто как Настю, а еще и как знаменитую русскую балерину. Его самолюбию льстило, что я такая известная, что меня все узнают, восхищаются, завидуют ему. Даже был забавный случай — когда он позвонил и попросил срочно к нему приехать. Я была на репетиции, но по его тону почувствовала, что ему по какой-то причине был действительно важен мой приезд. Я вообще очень хорошо умела чувствовать его настроение. Так что пришлось быстренько доделать свои тридцать два фуэте и помчаться к Сулейману — его машина уже, разумеется, ждала у выхода из театра. Приезжаю, захожу в кабинет, а там деловые партнеры, какие-то важные богатые люди, и все при виде меня сразу

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

«ах» и «вау»... Невооруженным взглядом было видно, как Сулейман светился от удовольствия.

И в то же время моя слава его раздражала. Сколько раз уговаривала его прийти в Большой театр на мой спектакль или на какой-нибудь из моих концертов. Но он всегда отказывался. Это обижало и расстраивало, я ведь была уже состоявшейся балериной, примой Мариинского театра, Большого театра, английского национального балета, меня знали и в России и в мире, я уже делала свой концертный проект. И очень хотелось показать любимому человеку, как я расту, какие есть новые шоу, новые номера. Сама никогда не лезла в его бизнес, потому что видела — он не хочет, чтобы я имела к этому какое-то отношение. Но мне было важно, чтобы он моими делами хоть немного интересовался, а не пытался откупиться деньгами.

Чтобы сразу расставить точки над *i*, скажу прямо — кое-какие из моих проектов он все же финансировал. Например, мои клипы были сняты благодаря ему, а режиссером был Федор Бондарчук, в то время еще не такой знаменитый, как сейчас, но уже довольно известный в основном как раз как клипмейкер. Один клип у него стоил 40 тысяч долларов. Но все это была личная инициатива Сулеймана, потому что за все время, что мы с ним были вместе — а мы прожили с ним три с половиной года, ни разу не попросила у него ни копейки. И дело даже не в том, что я такая немеркантильная (хотя, конечно, было важно, чтобы он понимал, что я с ним не из-за денег), его деньги были не нужны. Я была на пике славы, поэтому меня и без него охотно финансировали, зная, что на моем концерте обязательно будет аншлаг.

Так что Сулейман с моими карьерными делами был связан мало. Он как настоящий восточный мужчина предпочитал да-

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

рить что-то истинно женское и материальное. Шубы, драгоценности, машину, квартиру... А вот поддерживать меня как балерину не хотел.

Я не сразу поняла, в чем дело, даже когда он стал намекать, что вот клипы сняла, и хватит, пора заканчивать карьеру, пора перестать принадлежать всему миру, пришло время стать его и только его. Домашней кошечкой.

Попытки объяснить и убедить ни к чему не приводили. Говорила ему, что мечтала стать балериной с пяти лет, что это часть меня, причем очень важная. Убеждала его: «Сулейманчик, прошу тебя, хоть один раз приди в Большой театр на мой спектакль. Ты будешь в царской ложе сидеть, мы тебе сделаем спектакль классный...» На что он отвечал, что не может, что у него в глазах темнеет от одной мысли, как я буду танцевать на сцене, полуобнаженная, в балетной пачке, а в зале будет сидеть тысяча мужчин и пожирать меня глазами. И сколько бы его ни убеждала посмотреть на ситуацию с другой стороны, что он будет сидеть в царской ложе, я буду танцевать лично для него, как когда-то Кшесинская для Николая II, а все в театре будут ему завидовать... ничего не помогало.

Сулейман так и не смог себя пересилить. Даже когда он поддерживал мое выступление в Концертном зале «Россия», смотреть его все равно не стал, просто заехал на десять минут, показался в директорской ложе и уехал.

Это безумно расстраивало, тем более что я искренне его любила и на других мужчин даже не смотрела. Конечно, нравилось, что на меня оглядываются, нравились восхищенные взгляды, но как мужчина для меня существовал только он. Ни разу не дала ему реального повода для ревности. Но наши отношения это не спасло.

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

Проблема была том, что Сулейман влюбился в меня такую, какой я была, — яркую, знаменитую, свободную, звезду балета, а потом захотел сделать домохозяйкой, своей личной собственностью. Говорю об этом без иронии, у него были самые серьезные намерения — насколько он мог себе их позволить. И наличие жены и двоих детей не мешало ему хотеть, чтобы я тоже стала ему женой — не по документам, но фактически. Он ведь мусульманин, в их культуре и традициях несколько жен — это нормально.

Но никогда не представляла себя в роли второй жены. Мне всегда нужно быть единственной и неповторимой. И дело не в штампе в паспорте — это не имело никакого значения. Дело в самом отношении, в том, что он хотел сделать меня именно своей собственностью, лишит свободы, карьеры, балета. Готова ли я была на такие жертвы ради любви? Нет. Это все равно что лишиться собственной личности, превратиться в красивую куклу, приложение к любимому человеку. Никогда! Я бы все для него сделала, но только не это!

Были и еще пугающие звоночки. Например, Сулейман очень хотел, чтобы я родила ему ребенка. В общем-то понятное желание, особенно для восточного мужчины, я в принципе была не против, готова была сделать перерыв в карьере. И вот, о радость (как тогда думала) — забеременела!

Помню, мы сидели в новой квартире на Петровке, разговаривали, а я тем временем размышляла, как бы ему сказать, что беременна — ведь такие важные новости просто так не сообщают, нужно что-то особенное. И вдруг он сам заговорил о том, что нам нужен общий ребенок, а потом добавил, что если ему изменю или вообще что-то будет не так, он этого ребенка заберет и будет воспитывать в Дербенте, где у него какие-то тетушки, бабушки или кто-то в этом роде.

Анастасия Волочкова

Сулейман.

«Он умел любить и делать из жизни праздник...»

Меня это так шокировало и напугало — было ощущение, что это знак какой-то, чтобы не торопилась. Я еще не родила этого ребенка, да что там, даже о нем не сообщила, а Сулейман уже рассказывает, как заберет его у меня. Он так напугал, что я ему даже не сказала о том, что беременна. И вообще не знала, что делать.

Но судьба решила все за нас. Через несколько дней на одной из репетиций у меня закружилась голова — упала. А в больнице сообщили, что случился выкидыш... Вот так...

Это был серьезный удар, большая драма. И хотя Сулейман все сделал, чтобы меня окружили максимальным комфортом, и занимался мною лучший гинеколог России, вернулась из больницы очень подавленной. Но с твердой уверенностью, что с судьбой спорить нельзя — не надо нам заводить малыша, ничего хорошего из этого не выйдет, в том числе и для самого ребенка. И самое скорое будущее показало, что я права. Если бы во время того ада, через который Сулейман заставил меня пройти после нашего разрыва, первое, с кого он начал бы свои жестокие действия, был бы ребенок, я бы, наверное, просто сошла с ума.